

Удаганка

В.Загора

Книга 1

Валерий Загора

Удаганка

«Автор»

2023

Загора В.

Удаганка / В. Загора — «Автор», 2023

Тимофей отправляется на поиски отца, который пропал без вести еще до рождения сына: отец отправился в Якутию на добычу алмазов. В тайге на Тимофея нападает волк. Выжившего, но сильно израненного в схватке со зверем парня находит оленевод. Он привозит несчастного к Алгыстаанай — фельдшеру в их поселении. Она видит в парне знакомые черты человека, с которым однажды была знакома. Но как его зовут и где он теперь, якутка не знает. Поиски отца заходят в тупик, Тимофей знакомится с местными шаманами и его жизнь делает крутой поворот.

© Загора В., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Валерий Загора

Удаганка

Глава 1

Тяжелые серые тучи угрожающе надвигались со стороны горизонта.

– Надвигается вьюга, – угрюмо промолвил Тимофей сам себе, широко шагая в снегоходах по белоснежному склону, а затем прибавил ходу преодолевая усталость.

Позади остался густой заснеженный лес. Рука, перетянутая кожаным ремнем, нестерпимо болела. Жалко, конечно, серого красавца, но он сам виноват. Нечего было нападать. Зверья лесного мало ему, что ли? Повезло, что волк молодой, неопытный, не стал выжидать, чтобы напасть со спины, как сделал бы матерый хищник. А этот дуралей выбежал навстречу, оскалил зубастую пасть и попер нахрапом. Благо расстояние было достаточным, да и снежный покров глубокий: волк проваливался в снег и не мог быстро бежать.

Зато я успел снять рукавицу и достать клинок из ножен. Прикрылся свободной рукой, в которую и вонзил свои зубы серый наглец, тот ослабил хватку, как только лезвие ножа вонзилось в него и вспороло ему брюхо. Вдвоем на снег и завалились. При помощи острия разжал волчья челюсти, освободил раненную руку. Сквозь дыры от зубов в рукаве видавшего виды ватника проступили бурые пятна. С встревоженным сердцем Тимофей тяжело дыша поднялся на ноги, огляделся по сторонам, нет ли где соплеменников убитого волка.

– Ты уж, серый, не сердчай, придет время – свидимся на том свете, – Тимофей наклонился, чтобы дотронуться до еще теплой туши волка. – Вот там-то уж точно друзьями будем.

Судя по рассказам старого якута, до поселения старателей оставалось час ходу. Надо успеть добраться пока не началась вьюга. Собрав всю волю в кулак, стараясь не замечать боль и усталость, Тимофей шел навстречу надвигающейся непогоде и своей давней мечте: увидеть отца, которого он даже не знал. По рассказам матери, теперь уже покойной, отец был старателем-первопроходцем. Как только пошли слухи, что на Соколиной косе были обнаружены первые алмазы, Прохор Сотников, так величали родителя Тимофея, уехал. Прохор оставил мать и молодую жену на сносях и уехал с такими же шальными романтиками как и он сам, за манящей мечтой разбогатеть.

Раненая рука болела все больше и больше, махать ею при ходьбе было нестерпимым мучением. Приложив немало усилий, Тимофей умудрился закрепить ремнем больную конечность, повисшую вдоль туловища бесполезной плетью. Идти стало сложнее, но рука, затянутая ремнем к туловищу, онемела и, казалось, стала меньше болеть.

Тучи угрожающе приближались, словно ползли серым волком по земле, а не плыли по небу. В лицо подул морозный обжигающий ветер, а за ним и первые снежинки полетели, больно впиваясь в лицо сотнями тонких иголок. Со стороны леса послышался еле различимый слухом волчий вой, встречный ветер уносил звуки прочь от одинокого путника. Все-таки учуяли мертвечину. Тимофей оглянулся, лес был очень далеко. Волки очень хорошо чувствуют приближение непогоды, не пойдут по следу вдогонку. Только безрассудный человек двинется в путь, невзирая на надвигающуюся непогоду, глуп потому что. А зверь умный, он заляжет где-нибудь под ветвями раскидистой ели, свернется калачиком и будет пережидать вьюгу.

Слегка склонившись и опустив голову, насколько это было возможным, Тимофей двигался вперед, рассекая собой ветер, как ледокол рассекает льдины. Время от времени поднимал голову, чтобы посмотреть, в правильном ли направлении держит путь. Вьюга беспощадно стегала лицо ледяными иглами. Впереди не видно ни зги, оглянулся назад – белая пелена стояла колышущейся стеной. Тимофей начал считать шаги и на пятидесятом делал шаг в влево.

– Тимофейка, ты считай вслух шаги, соколик мой ясный, – как будто наяву прозвучали сквозь завывание вьюги бабушкины слова в его голове.

Так говорила бабушка, крепко держа за руку восьмилетнего Тимофейку, когда они шли сквозь густой туман, возвращаясь с болот с полными корзинами колбы[1] и ложечника[2].

– Слеп человек в пути, завсегда вправо уходит мало-помалу, оттого и бродит по кругу. Чтобы нам с тобой по кругу не идти, на полсотенный шаг влево отступай. Да корзину покрепче держи, не потеряй, а то за зря ноги стопчешь.

Часто сбиваясь со счета, как в бреду, плохо соображая, из последних сил Тимофей попытался взобраться на небольшой холмик. Снежный покров под ногами стал шевелиться, перед глазами все поплыло, тело куда-то проваливалось, и сознание покинуло парня.

Тимофей любил сидеть на коленях у бабушки, слушать ее рассказы о лесных и болотных духах. Учила и всегда требовала выполнять покон[3].

– Идешь по ягоды, по грибы, перед тем, как зайти в лес, обязательно напросись.

– Как это – напросись? – спрашивал он, непонимающе заглядывая в темно-карие бабушкины глаза.

– А так: хозяйева здешние, овражные там, полевые, лесные, дозволейте зайти во владения ваши. Да поклонись, спинка чай не переломится. А не напросишься, десять раз пройдешь, а на одиннадцатом на ровном месте споткнешься и шею себе сломаешь.

– А если напрошусь? – испуганно спрашивал внук.

– В этом и весь покон, – отвечала бабушка. – Ты тогда навроче своего станешь, все равно что в гости пришел. Но и вести себя должен уважительно, шляпки с грибов ногой да палкой не сбивай, особливо если это мухомор или поганка какая. Ежели набрал полную корзину, более не жадничай, поблагодари хозяина и уходи с миром. С поконом тебя и зверь не тронет, и не заплутаешь, и наберешь то, зачем пришел. Уяснил? – спрашивала бабушка, обнимая любимого внучка, прижимая детскую спинку к своей груди.

Спиной мальчонка чувствовал и стук бабушкино сердца, и тепло от большого тела, и дыхание молочно-травяное с примесью чего-то прелого.

– Не исполнил покон, когда в лес заходил, оттого и волку век укоротил. Головушка твоя ветреная, память короткая.

Бабушка стала лизать лицо Тимофея своим большим шершавым языком.

– Бабуля, прекрати, ну хватит! – возмущаясь, стал отталкивать руками бабушкино лицо, большое, мягкое и... ворсистое?

Тимофей открыл глаза и увидел прямо перед собой оленью морду, которая намеревалась его лизнуть в очередной раз. Оглядевшись, увидел, что сидит на оленьих ногах прислонившись спиной к туловищу животного. Олень лежал в снежном сугробе, рядом стояли и лежали еще несколько оленей. Вьюга утихла, успев засыпать все вокруг снегом. Ближние сугробы стали шевелиться, и из них появились оленьи рога, а затем и головы.

– Вот, значит, чье биение сердца в своем мареве я чувствовал и чье тепло меня обнимало, – улыбнувшись, Тимофей погладил по морде оленя, который все еще намеревался его лизнуть.

– Что, дорогой, соли хочется? За то, что согрел меня и не дал погибнуть, угощайся.

Тимофей снял шапку и подставил голову животному. Олень стал облизывать волосы, шею, лицо. К голове потянулись рядом стоящие олени, пытаясь угоститься.

– Ну все, будет с вас! – шумнул Тимофей, взмахом руки отгоняя оленей. Вторую руку он совсем не чувствовал, будто ее и нет.

Где-то совсем рядом послышался собачий лай, а там, где собака, там и человек. Олени на удивление спокойно отреагировали на собачий лай. «Неуж-то они одомашненные?» – подумал

Тимофей и попытался встать. С трудом, но все-таки получилось устоять на ногах. В трехстах метрах он увидел двух якутов, и собачьи упряжки.

Укутанный в цельную оленью шкуру, Тимофей лежал на нартах[4] и наблюдал за перепадами и бликами северного сияния. На белых заснеженных просторах оно выглядело как сияющий занавес, переливающийся синими и зелеными огнями с вкраплениями розового и красного.

– Тимофейка, ты долго не гляди на сияние, можешь разума лишиться, – вспомнил он бабушкины предостережения, когда, будучи ребенком, восхищенно смотрел в небо, любуясь северным сиянием.

У якутских старожилых, кочевых курыканов, пришедших на территорию Забайкалья из-за Енисея, существовало множество мифов и поверий, связанных с северным сиянием. С давних времен люди, наблюдавшие это явление, приписывали ему божественные свойства. На русском Севере считалось, что появление северного сияния предвещает бедствия. Норвежцы полагали, что оно обещает ухудшение погоды. Их легенды утверждают, что северное сияние – не что иное, как мост, по которому боги спускаются на землю к людям. Старожилы Финляндии называют сияние рекой, которая соединяет царство живых и мертвых. Эскимосы Аляски во время северного сияния выходят на улицу только хорошо вооруженными, на всякий случай. Якуты же уверены что если долго смотреть на юкагир-уот, как они называют это явление, можно лишиться рассудка.

Саха[5] оглянулся на своего пассажира и испуганно крикнул, будто был далеко, а не с ним в одних нартах.

– Убайдар[6], не смотри на юкагирский свет, совсем с ума сойдешь.

Тимофей послушно закрыл глаза а затем и вовсе нырнул с головой под оленью шкуру.

Счет времени был потерян. Сколько он находился под снегом в обнимку с оленем, сколько времени ехал на собачьей упряжке, Тимофей уже не понимал и не мог сориентироваться.

– Убайдар, просыпайся, приехали, – молодой якут тормозил оленью шкуру, под которой, согревшись, крепко спал Тимофей. – Просыпайся, убайдар, в поселок уже приехали, просыпайся.

Голова кружилась, перед глазами все плыло. Наконец Тимофей нашел в себе силы подняться с нарта, но тут же земля уплыла из-под ног, он пошатнулся и завалился боком в снег. Якут поспешил поднять обессиленного попутчика, закинув его руку себе на плечо, и поволок в ближайший барак.

Коридор длинного помещения с множеством дверей был безлюдным. Усадив Тимофея в угол у входной двери, якут направился по коридору и дергал за ручку каждую дверь, но все они были закрыты на ключ.

– Ты посиди здесь, я скоро за тобой вернусь, – сказал якут, наклонившись к самому лицу Тимофея, похлопал его по плечу и исчез за дверью.

За ним скрылось и сознание Тимофея, провалилось в безразличный, липкий, черный мрак. Спустя какое то время затуманенное сознание ощутило, что его тело, тело сознания, куда-то плывет, покачиваясь в воздухе.

Что то теплое и ароматное пробудило сознание. Медленно, не торопясь, открылись глаза. Перед ним был бревенчатый потолок. Скосив в сторону глаза, увидел стены, увешанные сушеными травами в пучках. Повертел головой по сторонам, Тимофей увидел большую комнату. У окна – стол с лавками по бокам, у стены – большой сундук с коваными углами, лежак с ворохом подушек и всевозможных шкур, что-то наподобие серванта с множеством баночек и колбочек. Еще были печь, в которой горели, потрескивая, поленья, и лежанка на которой, и находился Тимофей.

Телу было жарко, хотелось пить и есть, что сильнее – жажда или голод – определить затруднительно. Как он попал в это жилище и сколько времени здесь находится? Память информацию не выдавала, молчит зараза, ни единого намека!

Скрипнула входная дверь. Вместе с белым морозным облаком пара в комнате появилась женщина. Как в цирке факир появляется из дымового облака, точно так появилась эта пожилая, но очень красивая, по всему видно, сахальяра[7]. Поставила на стол большую плетеную корзину, она сказала не оборачиваясь:

– С возвращением. Есть хочешь? – И стала выкладывать из корзины какие-то продукты.

В ответ – тишина. Развернувшись, уставилась на заросшее щетиной лицо с красивыми синими, как небо в ясную погоду, глазами.

– А вы кто? – ответил Тимофей вопросом на вопрос. – Шаманка?

– Нет, ну что ты! Какая из меня шаманка? – женщина звонко рассмеялась, как будто жемчуг по полу рассыпала, настолько необычным был её смех. – Местный фельдшер я, имя мое Алгыстаанай. Тебя как зовут, откуда ты и что делаешь в наших краях?

– Попить дадите? А если дадите чего поесть, тогда уж точно расскажу все как на исповеди.

Сидя за столом, сколоченным из хорошо обработанных досок, Тимофей уплетал за обе щеки вареную оленину, щедро намазывая ее хреном из ложечника.

Хозяйка, сидя напротив, терпеливо ожидала, пока парень насытится. Съел он совсем немного, по-видимому, желудок ссохся, оттого что давно пищи не видел. Четвертый день пошел, как перенесли из барака в ее избу безжизненное тело молодого парня.

Толлуман, сын местного оленевода, нашедший Тимофея, тогда прибежал к ней в фельдшерский пункт.

– Алгыстаанай, там раненому парню помощь требуется, я его в бараке оставил.

– Почему ко мне сразу не привез? – недоуменно спросила фельдшер.

– Пока я в бараке пытался найти хоть одного человека, мои собаки домой убежали, – развел руками молоденький якут.

– Ох, Толлуман, парень ты, конечно, бесстрашный, спору нет, но бестолковый. Что ж упряжку-то свою к столбу не привязал?

Толлуман молчал, виновато опустив голову.

Вдвоем они уложили парня в бессознательном состоянии на оленью шкуру и притащили в дом Алгыстаанай.

– Ну, так как тебя зовут? – спросила хозяйка, внимательно рассматривая гостя. Какой-то до боли знакомой казалась ей внешность парня.

– Тимофеем меня зовут. Житель я маленькой деревушки Вилюйхи, что стоит на берегу реки Вилюй, оттого деревня и название имеет такое.

– Слышала я про такую реку, далеко тебя от дома занесло, – удивилась Алгыстаанай. – Кого дома покинул, уходя из родных мест?

– Старую избу пустую, – угрюмо ответил Тимофей. – Родителей своих я не знаю, а бабушка умерла, когда я в Верхоянске на ветеринара учился, последний курс заканчивал.

– С родителями-то что случилось? Не на болотах же тебя бабушка в моршке нашла.

– Отец на Соколиную косу за алмазами уехал, когда я на свет еще не родился, а мать за клюквой на болота пошла, да так и не вернулась, мне и полгода не было. Бабушка меня вырастила.

– А что ж отец-то, так ни разу и не появился? – удивилась Алгыстаанай.

– Ни разу. Но в деревне поговаривали, что кто-то, работавший на приисках, видел отца, что жив он. Только общаться почему-то не захотел, сделал вид, что не знает того человека.

– Фамилию отца скажи, может, я знаю. На многих приисках фельдшером работать приходилось, многих лечила да всякого рода помощь оказывала.

– Прохор Сотников. Бабушка говорила, что я когда взрослею стал, то сильно на отца стал похожим. Глаза в особенности, один в один, говорила бабушка.

– Глаза! Точно – глаза, один в один, – взволнованно воскликнула Алгыстаанай.

– Вы его знаете? Он живой? Вы знаете, где он живет? – затараторил Тимофей, обрадованный такому повороту событий.

– Знала я одного человека с такими же небесно-синими глазами, как у тебя, – женщина задумчиво отвела взгляд и притихла, погрузившись в воспоминания. – Вот только не знаю, твой ли это отец.

– Что-то я не понял, – заволновался Тимофей, – как звали-то его, человека этого?

– В том и дело, что не знаю. Да и давно это было, лет двадцать уж точно прошло. Охотники местные нашли его в бессознательном состоянии, с пробитой головой и следами от ударов на теле. Выживала его, вот как тебя. Только когда он пришел в сознание, память его молчала. Несколько месяцев жил в нашем селении, сначала у меня, а потом оленеводам помогал, с ними на пастбищах и пропадал сутками. За все то время он так ничего и не вспомнил, даже имени своего не знал. Жители поселка называли его Куех Халлаак, что означает синее небо, за цвет глаз, наверное. Они были такими же синими, как твои.

Алгыстаанай замолчала и опять о чем-то задумалась, уставившись в одну точку.

– А дальше то что? – тихо спросил Тимофей, как будто боялся, что спугнет сокровенные мысли женщины.

– Исчез он.

– Как это исчез?

– Да вот так. С вечера со всеми улегся спать, а наутро его уже никто не видел. Ушел, наверное. С тех пор ничего о нем и не знаю. Искать его никто не стал, потому что чужой в поселке. Я охотников просила выйти на поиски, да не захотели они, другими делами были заняты. Хоть и был он человеком безобидным да работающим, а вот не стали искать, и все тут. Может, вспомнил чего, оттого и ушел, поди теперь узнай.

[1] Колба – черемша.

[2] Ложечник – подобие хрена.

[3] Покон – космогонический духовный закон, который управляет Вселенной.

[4] Нарты – сани для собачьей или оленьей упряжки.

[5] Саха – так называют себя чистокровные якуты.

[6] Убайдар – старший брат (так якуты называют русских).

[7] Сахаляра – метис, потомок смешанных браков между якутами и представителями европеоидной расы, они всегда красивые, в отличие от чистокровных якутов.

Глава 2

В местном магазине былолюдно и шумно. Большое бревенчатое строение делилось на две зоны. Справа от входа располагались торговые полки, заставленные всевозможным товаром, ярусами увешанные по всей стене. Доступ к полкам преграждал массивный стол во всю длину комнаты. Большая часть его была заставлена ящиками со всевозможной всячиной: гвоздями разной величины, цепями, веревками, разным инструментом. Можно было долго стоять и рассматривать товар, как в музее. Трое мужчин стояли у прилавка и спорили, они не могли определиться, какие веревки лучше купить и сколько мотков брать.

В противоположной стороне помещения стояло два длинных стола с лавками. За ними сидели десятка полтора мужчин разного возраста. Большая часть склонились над своими тарелками и поедали отварное мясо и рыбу, переговариваясь друг с другом. Шумели несколько парней, игравшие в кости. Затихали и замирали, лишь на несколько секунд, в момент, когда два кубика катились по столу. Когда кости прекращали движение, парни взрывались эмоциями, вскакивая с места и вопя во всю глотку.

Повернувшись к прилавку, Тимофей оторопел и словно утонул в двух синих озерах. Перед ним стояла и внимательно его рассматривала сахаляра, на вид ей было лет двадцать. Красивую внешность девушки можно было сравнить разве что с северным сиянием – и то, и другое захватывали дух. А синева глаз незнакомки просто завораживала. Впервые за свои недолгие двадцать два года Тимофей видел глаза такого изумительного цвета.

– Здравствуй, – прозвучал тихий, приятный голос. – Ты хотел что-то купить?

– Да, здравствуй. Хотел, – растерялся Тимофей, приходя в себя словно после транса. – То есть нет, не хотел.

Девушка тихонько засмеялась, словно жемчуг по прилавку рассыпала.

– Черт побери! – возмутился Тимофей с нарастающей в душе злостью на самого себя. – В вашем селении все женщины так смеются?

– Не понимаю, что ты имеешь в виду.

Два синих озера плеснули свою синеву на Тимофея. Девушка недоуменно смотрела на него и ждала ответа на поставленный вопрос.

– Ваш местный фельдшер Алгыстаана так же смеется.

– Ах вот ты о чем, – улыбнулась девушка.

– Аглая! Ну ты долго с пришлым любезничать будешь? – шумным басом прогремел рослый мужик, один из тех троих, что никак не могли выбрать веревку.

– Аглая, значит, – провожая взглядом девушку, думал вслух Тимофей, – имя такое же красивое, как и она сама.

Пока Аглая отпускала товар троице оленеводов, к такому выводу Тимофей пришел, слушая краем уха их разговор, он немного собрался с мыслями. Злился на себя за то, что как сопливый мальчишка оторопел перед красивой девчонкой. Тимофей стал прислушиваться к разговорам мужиков, сидящих за столами.

– Слышал я, как геологи меж собой болтали, – рассказывал коренастый мужчина, похожий на китайца, – что в Сунтарском улусе, на левом берегу реки Вилюй, вблизи села Крестьях, геологи нашли голубую глину.

– И толку от этой голубой глины? – возмутился рядом сидящий якут, не понимая ценности сказанного.

– Э-э-эх, темнота ты беспросветная, – упрекнул якута еще один мужик из той же компании. – Голубая глина, чтоб ты знал, это первый признак того, что в недрах, где она есть, есть алмазы.

– По весне собираюсь туда отправиться, – сказал коренастый. – Сейчас туда соваться не резон: морозы сильные стоят. Шаман говорил, что не так давно зимой самая высокая температура была минус шестьдесят два. Птица на лету замерзала и замертво падала на землю. Не хотелось бы околеть из-за этих алмазов.

– Да, было такое, – задумчиво протянул якут. – Знал бы ты, сколько скота насмерть замерзло. Только и успевали шкуру снимать да тушки в ледник складывать. В тот год шибко на нас разгневался Танара[8].

– Чепуха все это! – возмутился рослый мужик. – На реку Оленек идти нужно. Там в отложениях реки алмазные россыпи. Я точно знаю.

– Эй, парень! – Аглая потеряла Тимофея за рукав ватника. – Ну ты что? Оглох, что ли?

– А? Что? – растерянно отозвался парень, переключаясь на другую волну разговора. – Что ты сказала?

– Как тебя зовут? – спросила Аглая, мило улыбаясь новичку.

– Тимофеем зовут, – ответил он, изо всех сил стараясь держаться непринужденно. – А тебя, я слышал, Аглаей зовут, – уже почти прокричал Тимофей.

В помещении стало очень шумно. Ранее игравшие в кости громко спорили, доказывая друг другу на первый взгляд непонятные вещи.

– Ты иди, – крикнула Аглая, наклонившись через стол. – А то не ровен час под кулак попадешь, по всему видно, драки не миновать.

Так и было: мужики, ухватив друг друга за тулупы, качались как неваляшки из стороны в сторону, пытаясь один другого завалить, притом выкрикивая взаимные обвинения.

– Верни алмаз, паршивец плешивый!

– Черта лысого тебе, а не алмаз, я его честно выиграл!

Мужики стали махать кулаками, ударяя друг друга чем попадя.

«Как весело и богато местный народ живет, – широко шагая по улице, размышлял Тимофей. – Оказывается, тут алмазы можно не только добывать, но и выигрывать. Так-так-так, а ведь я неплохо в кости играю, мне всегда везло, когда играть приходилось. Правда, там, где я играл, морды не били за выигрыш. Ну да ладно, разберемся по ходу событий».

Из мыслей Тимофея выдернул мужской крик:

– Убайдар, убайдар!

Он повернулся в сторону исходящего голоса, увидел приближающуюся собачью упряжку, управляемую молодым якутом. Парень сиял улыбкой во все свое круглое лицо, отчего глаза стали узенькими щелочками.

– Ты уже выздоровел, убайдар? – весело спросил парень, останавливая собак. – Когда я заходил к Алгыстаанай, ты еще в бессознательном сне лежал.

– А ты кто? – удивленно спросил Тимофей, вглядываясь в парня и не узнавая его веселого лица. – Разве мы с тобой знакомы?

– Ну как же? – удивился якут, с лица исчезла радостная улыбка, уступив место обидчивой гримасе. – Толлуман ведь я, – он многозначительно уставился на Тимофея.

– Толлуман говоришь? – улыбаясь, произнес Тимофей, не понимая, что ему делать с этим незнакомцем. – Если Толлуман, то это совсем другое дело, сразу встало всё на свои места.

Глаза молодого якута опять стали щелочками, лицо расплылось в улыбке.

– Отец меня отправил к Алгыстаанай, сказал отвези продукты для постояльца, для тебя, стало быть.

Тимофей, не дожидаясь приглашения, уселся на нарты рядом с Толлуманом. Фельдшерский дом находился совсем рядом, но силы были на исходе. Рановато он вышел на прогулку, права была Алгыстаанай: откормиться ему нужно, силы восстановить.

– Ну что, прогулялся? – спросила хозяйка, делая какое-то снадобье. То, что это снадобье, было понятно по запаху трав: своей терпкостью он заполнил весь дом.

– Ты была права, слаб я ещё, – Тимофей буквально рухнул на скамейку, облокотившись на стол. – Мне зелье приготовила?

Хозяйка без слов пододвинула к парню кружку с напитком.

– А я не один, к тебе гости.

В ту же секунду в дверь робко постучали. Алгыстаанай удивленно посмотрела на Тимофея и крикнула:

– Открыто, входи!

В комнату ввалился Толлуман с плетеной корзиной, мешком и узелками.

– Здравствуй, Алгыстаанай! – вежливо и уважительно поздоровался Толлуман. – Это отец передал для постояльца.

– Передашь отцу спасибо большое и вот это, – она подала небольшой сверток. – Скажешь, пусть наносит на рану утром и на ночь.

– Спасибо, скажу обязательно.

Толлуман учтиво поклонился и вышел.

– Кто это? – спросил Тимофей отпивая маленькими глотками зелье, каждый раз кри-
вась. – Откуда он меня знает?

Алгыстаанай с тревогой посмотрела на подопечного и села напротив, наблюдая, как тот прихлебывает из кружки.

– Побриться бы тебе нужно, вон как зарос щетиной.

– Так ведь нечем бриться. Рюкзак свой я потерял.

– Цел твой рюкзак, в сундуке вон лежит. А парень этот тебя в сугробе с оленями нашёл и привёз ко мне. Толлуман – сын одного из наших оленеводов. Он после бурана поехал своих оленей искать, которые от стада отбились в снежной метели. Вместе с оленями и тебя нашёл.

– Точно! Вспомнил, – напрягая память Тимофей вспомнил оленей, северное сияние и нарты с якутом. – Он мне ещё запрещал на северное сияние смотреть, – Тимофей улыбнулся измученной улыбкой.

– Хвала тебе, Танара! – Алгыстаанай, скрестив руки на груди, прикрыла глаза. – Я сначала подумала, что ты памяти лишился, а теперь понимаю, что сознание терял неоднократно. И немудрено: столько крови лишился, да и истощённый ты какой-то, как из концлагеря. Ну что, давай посмотрим, что тут нам привёз Толлуман.

В мешке была замороженная рыба: пелядь, таймень, хариус, муксун – немного из того, что ловилось в местных реках. В плетеной корзине лежали куски запеченного мяса, по виду оленина и говядина. Из узелков извлекли якутские кровяные деликатесы хаан – говяжий, либо конский ливер, заполненный кровью, в молочной смеси, попросту говоря, якутская кровяная колбаса. Также в узелке был сорат – простокваша, приготовленная из коровьего или конского молока. Алгыстаанай обрадовалась, когда увидела в одном из узелков чохоон – масло, сбитое с молоком и ягодами, йеджегей – творог и сьемех – сыр.

– Хвала Танаре! – воскликнула Алгыстаанай, опять сложив на груди руки. – Какие богатства... Тимофей, ты только посмотри на это. Глазам своим не верю!

Скрипнула входная дверь, и в комнату вошла Аглая. От удивления Тимофей подумал, что померещилось от обессиленного состояния.

– Ну надо же! – воскликнула удивленно Аглая. – Откуда такое богатство?

Девушка подошла к столу и бесцеремонно отломала кусок сыра. «Не померещилось», – подумал Тимофей глядя на гостью, прикрывшую от удовольствия глаза.

– Толлуман привез, – с довольной улыбкой на лице сказала Алгыстаанай. – Садись к столу, покушаем гостинцев.

– Вовремя ты ушёл, – с набитым ртом Аглая посмотрела на Тимофея. – Эти малохолдные такую драку затеяли, другие стали их растаскивать, так и им досталось. С десяток мужиков точно к драке приобщились, лавку сломали, хорошо хоть тарелки да кружки алюминиевые.

Так бы и дрались до сих пор, если бы Эрхаон за керосином не пришёл. Он-то уж сходу усмирил всех.

– Кто такой Эрхаон? – с интересом и нотками недоверия спросил Тимофей. – Как он один смог усмирить толпу?

– Богатырь наш местный, охотник, – ответила Аглая.

– Чтобы один десяток уложил? Не верю, – не унимался Тимофей.

– Так ведь имя у него какое? Не зря после рождения его шаманка Эрхаоном назвала, это значит, что у него храбрая кровь. Она это сразу увидела, – объяснила Аглая.

– Один год в наше селение медведь весной пришёл, – начала рассказывать Алгыстаанай, – и стал задирать корову, которая на привязи у дома стояла. Дом тот был крайним у леса. Эрхаон в тот момент неподалеку шёл и услышал, как корова ревет. Голыми руками медведя задушил! Зверь его, конечно, подрал немного, но я его быстро вылечила, прикладывая свои мази да примочки к ранам. Из шкуры убитого медведя Эрхаон сделал себе одежду. Шаманка утверждает, что духи отдали ему сердце медведя и что дух могучего хозяина гор и тайги вселили в него мужество, бесстрашие и удачу. В нем теперь дух и сила убитого медведя живут. Так что у нас тут каждый знает, что Эрхаон сильный как медведь. Уважают его все, боятся те, кому нужно бояться, кто буйную кровь в себе носит. Силу свою он зазря не тратит, спокойный, степенный. На помощь всегда придет, иной раз и звать не надо, сам явится, как чувствует, что в нем нуждаются. Аглаю вот все уговариваю: в мужья такого смелого охотника бы взяла.

– Ну что ты опять за старое! – вмиг обозлилась Аглая, перебив материн рассказ. – Ну какой он мне муж, маам[9], старый он для меня.

– Мама? – удивленно округлил глаза Тимофей, чуть не подавившись кровяной колбасой.

– Чему так удивился? – спросила Алгыстаанай опешившего парня. – Аглая моя кыыс[10].

– Неужто не похожа? – снова рассыпав жемчуг, хохотнула Аглая, хитро прищутив синеву глаз.

Глаза Тимофея забегали от Аглаи к Алгыстаанай, улавливая внешнее сходство двух сахар-лар.

– Действительно, есть сходство, – бегая глазами, как-то задумчиво произнес Тимофей. – Обе такие красивые, как северное сияние. Даже определить сложно, кто краше. Глаза только разные: у Аглаи – синие, как воды в Большом Токо[11], а твои, – он посмотрел в глаза Алгыстаанай, – как угли от прогоревшего костра.

– Кыыс, ты погляди на этого хитреца, как искусно и сладостно он свои силки расставляет.

– А я с его словами согласна. Он правду говорит, – довольная услышанным заявила Аглая. – И не он один такие слова говорит.

– Ну хватит! – строго пресекла Алгыстаанай неразумную дочь. – Будет с тебя, вижу, наелась. Тебе уже идти пора, тээтэ[12] тебя заждался, наверное.

Аглая, не говоря ни слова, накинула на себя санныях[13] и скрылась за дверь.

– А ты давай на лежанку лезь, отдохни, – смягчив тон, сказала Алгыстаанай. – Тебе силы восстановить нужно.

Тимофей послушно вылез из-за стола и полез на лежанку. Тепло нежно обнимало все тело, снимая усталость, сытый желудок посылал в мозг блаженство, а на глаза – дремоту. Потянувшись, парень сладко зевнул и сомкнул веки.

Не понимая, как оказался в лесу, Тимофей завертелся волчком, озираясь по сторонам и пытаясь хоть как-то определить, где находится. Еще хорошо бы вспомнить, как он сюда попал. Лес вокруг был густой и непроходимый настолько, что казалось, и на пузе проползти невозможно. Корявые стволы деревьев были сплошь покрыты серо-зеленым мхом, который источал неприятный, затхлый запах. Кроны под какой-то непонятной тяжестью сгибались почти к самой земле, образуя купол.

Тимофей почувствовал, как ногой о что-то стукнулся. Перед ним лежал его рюкзак. Собрав сушняка и еловых веток, он разжег костер в центре маленькой полянки, на которой неизвестно как оказался. Огонь вспыхнул сразу ярко и жарко, заполняя тепло пространство под ветвистым куполом.

Тимофей сидел у костра и смотрел, как пляшут огненные язычки, перепрыгивая с места на место, мысленно пытаясь восстановить ход последних событий. Вдруг из огненной пляски костра на него уставились два черных свирепых глаза. Невероятной магнитной силой эти глаза, казалось, увлекают за собой в жаркую огненную пляску. Против своей воли Тимофей стал склоняться к пламени все ближе и ближе, ощущая жар огня и удушье. «Погибну!» – пронеслась в голове мысль буранным ветром.

Изо всех сил, которые оставались в уставшем и измученном теле, Тимофей отпрянул от огня, раскидав ногами костер во все стороны. Пламя быстро охватило небольшую поляну, заплясав огненными языками по веткам деревьев. Было нестерпимо жарко, огонь раз за разом обжигал тело раскаленными языками пламени.

– Тимофейка! Мальчик мой, – послышался откуда-то сверху голос бабушки. – Иди сюда, ну, давай выбирайся.

Тимофей поднял голову и попытался рассмотреть, откуда слышен родной голос. Под сводом купола, пробив зелень листвы, он увидел небесную синь глаз, из которых хлынули на лицо, на голову, на грудь холодные слезы.

– Тимофей! Да очнись же ты, наконец! – трепала за плечи парня Алгыстаанай, прыскавая на него водой изо рта. – Даже не думай уходить в бесконечный сон и покой духов.

Мало-помалу приходя в себя, Тимофей сидел на полу у лежанки и тяжело дышал. Алгыстаанай, принеся из улицы снег, растирала им ступни ног и ладони чуть не угоревшего парня. Холодными руками прикасалась к вискам и лбу.

– Не для того я тебя несколько дней выхаживала, чтобы ты вот так взял сейчас и отправился к духам предков, – отчитывала Алгыстаанай Тимофея, перетаскивая его на деревянный топчан, усланный шкурами.

Постепенно оклемался, сердцебиение пришло в норму, дыхание выровнялось, жар из тела ушёл.

– Алгыстаанай, это что ж получается? – обратился Тимофей к хозяйке дома. – Твой дом хотел меня убить?

– Глупости не говори, – устала на парня своими красивыми черными глазами женщина. – Удивительно слышать такие слова от современного, образованного молодого парня. Поленья, которые я в печку положила, оказались не мерзлыми, вот и разгорелись дружно и жарко. А ты почему-то был укрыт с головой, вот тебя жар и одолел. Услышала вовремя, что застонал. А так неизвестно что было бы.

– Выходит, ты второй раз мне жизнь спасаешь. Может, ты мой оберег? – хитро прищурился Тимофей. – Теперь я дважды твой должник.

– Выходит, так, – задумчиво произнесла Алгыстаанай. – Меня волнует то, что за короткий промежуток времени уже второй раз тебя пытаются забрать духи предков. Это нехорошо.

[8] Танара – бог якутов.

[9] Маам – мама у якутов.

[10] Кыыс – дочь у якутов.

[11] Большое Токо – озеро в Нерюнгринском районе.

[12] Тээтэ – отец у якутов.

[13] Саныйах – меховая шуба у якутов.

Глава 3

В доме было сумрачно и тихо. Полежав какое-то время с открытыми глазами, привыкая к освещению комнаты, Тимофей прислушивался к звукам. Алгыстаанай, наверное, ещё спит. Он сел на лежанке, спустив ноги, огляделся. Топчан был пуст, Алгыстаанай нет. Поёжившись от холода, сунул ноги в унты, надел ватник, служивший ему вместо подушки, ещё теплый. На минутку задержался на пороге, залюбовавшись зарождающимся рассветом и снежным, белым, словно шерсть зимнего песка, покрывалом. Ночью, наверное, шел снег, следов на нем еще никаких не было.

Только сейчас Тимофей обратил внимание, что дом, на пороге которого он стоял, не был огорожен забором, в отличие от остальных строений. Вчера, выходя на прогулку, он не придал этому значения. Решил пройтись вокруг и увидел ещё один вход в этот же дом, на двери висел замок. Заглянул в окно, но разглядеть ничего не удалось.

«Странно как-то, – размышлял Тимофей, – ограды нет, каких-либо дополнительных построек, как это водится в хозяйских дворах, тоже. Только одиноко стоящий дом на земельном участке и всё. Дрова и те на улице, а не в специальном сарае». С безветренной стороны, у стенки дома были сложены чурки. Набрал охапку, Тимофей вернулся в дом.

В печке потрескивали дрова, в комнате было тепло. Облокотившись локтями о стол Тимофей уплетал запечённое мясо, прихлебывая из кружки простоквашу. Утро уже давно прошло. Наручные часы, подаренные бабушкой на восемнадцатилетие, показывали начало одиннадцатого. Интересно, куда запропастилась Алгыстаанай?

В магазине было тихо. Два мужика копались в ящике, позвякивая гвоздями, из посетителей больше никого не было.

– Здравствуй, – при виде Тимофея лицо Аглаи просияло. – Как чувствуешь себя?

– Здравствуй. Сегодня совсем отлично, будто ничего и не было, – улыбаясь, ответил Тимофей. – Словно приснилось все то, что со мной произошло.

– Что же такого с тобой все-таки произошло? – Аглая с интересом смотрела на гостя в ожидании рассказа.

– Ничего интересного. Сначала с волком встретился, потом в буран попал, – равнодушно ответил Тимофей. – Обычное дело.

– Расскажу как-нибудь. Ты мне лучше скажи, куда Алгыстаанай запропастилась? Со вчерашнего вечера её не видел.

– А ты разве не знаешь? – удивилась Аглая, уставившись на парня безумно красивыми синими глазами в обрамлении черных ресниц. – Ах, ну да, ты же у нас пришлый и дружбу с местными ещё не завёл, оттого и не знаешь, что у нас тут творится.

– А что такого у вас творится? – заинтересовался Тимофей.

Разговор их прервали мужики, которые пришли за гвоздями. Выбрав наконец нужный товар, они расплатились и вышли. Тимофей вопросительно уставился на Аглаю, ожидая продолжения рассказа.

– Помнишь, два мужика задрались, когда ты в первый раз к нам зашёл?

– Ну помню, и что? – удивился Тимофей.

– А то, что одного из них сегодня нашли мёртвым, – прищурившись, таинственно прошептала Аглая. – Мать ранним утром направилась к тебе и увидела, как кто-то лежит на дороге, присыпанный ночным снегом. Подумала, что пьяница какой не дошел до дома и околел от холода. Перевернула мужика на спину, а у него охотничий топорик между глаз торчит.

– Фу, страсти какие! – Тимофея передернуло. – И что дальше?

– А ничего, – равнодушно ответила Аглая. – В райцентр его наш участковый отвез, и маам заодно.

– А ее-то за что? – встревожился Тимофей.

– Да ни за что! Тимофей, ты что, не соображаешь? – удивилась Аглая. – Ну она ведь его первая нашла, она медик, будет помогать следствию.

– Ну если так, то понятно.

В магазин вошли пятеро мужчин. Трое сели за стол и принялись играть в кости, тихо между собой переговариваясь. Двое других купили бутылку водки, сделали заказ на отварное мясо с черемшой и хлебом и сели за другой стол.

– Я сейчас, подожди минутку, – сказала Аглая и скрылась за узкой дверью.

Тимофей стал невольно прислушиваться к разговорам мужиков.

– Да говорю же тебе, из-за алмазов его убили, – убеждал один из тех двоих, что ожидали заказ. – Выиграл он у артельщика, а тот решил вернуть проигрыш. Артельщик и тюкнул его топориком, потому как тот добровольно вернуть алмаз отказался, да и свои камни засветил во время игры.

– А с какого прииска тот артельщик был, кто-нибудь знает?

Разговор прервался. Аглая подошла к столу с заказом.

– И когда теперь Алгыстаанай вернется? – спросил Тимофей, разглядывая товар на полках. – Скучно мне, не знаю, чем себя занять.

– Если погода не поменяется, думаю, к концу дня вернутся.

– Ты сама здесь со всем управляешься? – сделав жест в сторону полок с товаром, спросил Тимофей. – Еду кто готовит?

– Дед всему хозяин, это его магазин. Приболел он сейчас, вот самой и приходится крутиться. А так обычно он торгует, а я еду готовлю, мать с райцентра привозит то, что потребуется, мне помогает, когда от дел своих свободна. Когда бабушка была жива, она с дедом со всем этим управлялись, а когда её не стало, мне пришлось вместо неё за всё братья. С того и живем. А ты по каким делам в селение наше шёл? Как долго пробыть у нас собираешься?

– Не в ваше селение я шёл. Буран мои планы изменил.

Дверь в магазин распахнулась.

– Хвала духам предков! – воскликнул мужичок якутской внешности в оленьей парке, быстро приблизился к Тимофею и, ухватив за руку, потащил на улицу. – Пойдем быстрее!

Там он почти толкнул парня в нарты, сказав:

– Помощь твоя нужна.

Оленья упряжка мчалась по уже проложенному пути, поднимая в морозный воздух снежное облако. Поселение осталось позади. На вопросы Тимофея якут ничего не отвечал, только нервно гикал на оленей, подгоняя их бежать ещё быстрее. Ехали они по заснеженной равнине минут пятнадцать, когда вдали серым пятном на белом фоне показалась стоянка оленеводов.

– Иди за мной быстрее, – скомандовал якут и почти побежал к оленьему загону. В небольшом отдельно сооруженном загоне на подстилке из сухой травы лежал жеребец. Практически весь зад его был изодран, на ногах виднелось множество укусов, кое-где отсутствовала шкура.

– Что я могу сделать? Здесь нужны специальные инструменты и медикаменты, а у меня ничего этого нет, – с сожалением сказал Тимофей.

Жеребец поднял с травы голову, повернул ее в сторону Тимофея и посмотрел измученными темно-кариными глазами, словно поняв, о чем тот говорит. Тихо простонав, он потянулся бархатным носом к руке человека. Тимофей подставил свою ладонь, жеребец прикоснулся к ней мягкими бархатистыми губами, словно поцеловал.

– Как мне тебе помочь? – жалость захлестнула все нутро парня, невидимая рука сдавила горло, перекрыв дыхание.

Погладив приятный на ощупь конский нос, Тимофей сглотнул ком в горле и обратился к якуту, молча стоявшему позади.

– Покажи мне, что из медикаментов у вас имеется, – только сейчас до Тимофея дошло: откуда этот якут знает, что он может лечить животных? – А откуда ты знаешь, что я ветеринар?

– Края наши хоть и просторные, обширные, сарафанное радио у нас работает исправно. Откинув полог чума, якут нырнул в проем, Тимофей последовал за ним.

Алгыстаанай обрабатывала рваные раны на ногах молодого якутского мужчины. Они молча поприветствовали друг друга кивком головы.

«Раны похожи на те, что у жеребца, – подумал, Тимофей. – А вот и сарафанное радио собственной персоной, конечно же, это Алгыстаанай сказала, что я ветврач».

Алгыстаанай, понимая ситуацию, отдала в распоряжение Тимофея свой медицинский чемодан. Свою работу в оказании первой помощи она уже выполнила, и чемодан ей был без надобности. Осталось уговорить парня поехать к ней в поселок, в ее фельдшерскую мини больницу на время лечения. Раны требовали ежедневной обработки и перевязки.

Уверенными манипуляциями Тимофей обрабатывал раны. Сомнения о том, как без снотворного наложить швы, рассеялись: пегий сылгы[14] вел себя спокойно. Словно телепатически, он считывал мысли Тимофея: «Потерпи, родной, иначе тебе несдобровать, да и мне репутацию испортишь». Конь понимал и терпел, тем самым давая возможность человеку заштопать его шкуру, изодранную волками.

– За жеребцом нужен уход, – сказал Тимофей собравшимся у стойбища мужчинам. – Утром и вечером необходимо обрабатывать раны, ну хотя бы на первых порах, пока немного затянутся.

Мужики зажerkотали на только им известном наречии.

– Одним языком с Алгыстаанай говорите, – сказал самый старший из присутствующих. – Такие же слова Алгыстаанай сказала про нашего Бэргэна.

Если Бэргэна можно было отвезти в поселок и там в ФАПе лечить, то за жеребцом уход должен быть на месте.

– Мне нужно остаться в стойбище, – сказал Тимофей, отдавая чемодан Алгыстаанай. – Только вот без антибиотика, боюсь, не обойтись. Подскажи, где его достать можно?

– Бэргэн в поселок ехать отказался. Чемодан тебе оставлю, надеюсь, за несколько дней ничего такого в поселке не случится. Кое-что у меня в ФАПе имеется, думаю, обойдусь. А тебе придется лечить не только жеребца, но и Бэргэна. Антибиотик, который тут имеется, – Алгыстаанай похлопала ладошкой по чемодану, – ты на Бэргэна используй, а для своего пациента у шаманки спроси, она здесь, в стойбище обитает. Если поймешь, что пошло что-то не так, сразу же отправляй кого-нибудь за мной. По возможности и сама наведаюсь.

Тимофей удивился, откуда у шаманки антибиотик. Но выросший на всякого рода поверьях и сказаниях, он знал, что чудные дела и по сей день происходят в Якутии, вопросов задавать не стал, чтобы глупцом не выглядеть.

Алгыстаанай уехала, а Тимофей остался в чуме семьи Бэргэна. Место для ночлега ему определили на мужской половине чума. Ночевать в нем Тимофею довелось впервые. Ложась спать, верхнюю одежду никто не снимал. Он также не рискнул снять оленью парку, любезно подаренную главой семейства, дедом Бэргэна. Тот был невысокого росточка, сухонький, с белой как снег бородой, шустрый и юркий, как дикий зверёк.

Уснуть Тимофею не удавалось, он переживал, справится ли с возложенной на него ответственностью, удастся ли выходить своих пациентов.

Потихоньку поднявшись, боясь разбудить рядом лежавшего мальчонку лет пятнадцати, младшего брата Бэргэна, Тимофей вышел из чума. Старательно поправил полог, чтобы холод не прокрался внутрь. Вокруг стояла звенящая тишина, вдали плескалось северное сияние, озаряя небо разными оттенками зеленого. Обыденное, казалось бы, для Севера явлением природы, но каждый раз завораживает своей красотой, порой пугающей насыщенностью красок и

движения, расплескивая в полнеба свою неизвестно как возникшую магическую мощь. Тимофей как зачарованный смотрел в даль, утратив связь с окружающей реальностью.

– Не боишься, что лишишься разума? – вывел из транса голос, прозвучавший у самого уха.

Тимофей встрепенулся, как испуганный лесной зверь. Рядом стояла якутка, она была не просто старая, а какая-то древняя. В странной и непонятной одежде сложно даже было определить к какой народности ее отнести. Лицо, обрамленное пушистым капором, все было в глубоких бороздках морщин, глаза при этом были сияющие и молодые. Опиралась она на клюку выше своего роста, хотя по виду та была больше похожа на шаманский посох. Тимофей смекнул, что рядом с ним стоит шаманка, про которую говорила Алгыстаанай.

– На, возьми, – сказала старуха и протянула что-то, завернутое в кусок тряпки. – Это порошок из сушеной чаги, исцеляет все болезни, залечивает все раны, действует как антибиотик.

– Спасибо большое, – произнес Тимофей, еле ворочая присохшим к нёбу языком. Зачерпнул горсть снега и сунул его в рот, чтобы увлажнить пересохший непонятно с чего рот. – Ты шаманка?

– Шаманка, – немногословно ответила та, вглядываясь в парня.

– А почему сама не стала лечить Бэргэна? – поинтересовался Тимофей. – Имея чудодейственное средство, вмиг на ноги поставила бы.

– Родная кровь он мне, оттого и не стала, – сказала Шаманка и юркой куницей скрылась за чумом.

Тимофей пошёл за ней, но зайдя за чум, а потом и обойдя его вокруг, осознал, что шаманки и след простыл. Озираясь по сторонам в надежде заметить старуху, постоял какое-то время, затем плюнул и пошел к загону с животными.

Жеребец почувствовал приближение человека, повернул голову в его сторону и фыркнул, приветствуя своего лекаря.

Тимофей пролез между жердей, подошел и погладил жеребца по холке.

– Ну что, дружище, как ты тут? – прикоснулся он к бархатному носу животного, погладил его. – Ты уж меня не подведи, выздороветь нужно побыстрее.

И мысленно добавил: «Потому как по Аглае я скучаю». От того, что несколько дней он не увидит красавицу, на сердце стало тяжело и тошно.

– И что я тут делать буду целыми днями? Чем занять себя? – Тимофей не представлял.

Тимофей проснулся от того, что кто-то теребил его за плечо. Открыв глаза, увидел перед собой улыбающуюся физиономию Толлумана.

– Долго спишь, убайдар. Жеребца лечить пора, – говорил парень, глядя на Тимофея своими глазами-щелочками.

– Не торопись, Толлуман, – быстро вставая с лежака, ответил Тимофей. – Сперва Бэргэну раны обработаю, а потом уж и жеребца черед будет.

Ловкими, уверенными движениями Тимофей обрабатывал рваные раны на голени, на запястье. Бэргэн стойко терпел боль, иногда лишь поскрипывая зубами.

Справившись с ранами Бэргэна, Тимофей взял чемодан и узелок шаманки, вышел из чума и оторопел от увиденного. У входа лежали три туши мертвых волков.

– Это я с парнями привёз, – расплываясь в улыбке, заявил Толлуман. – Это те волки, которых убил Бэргэн. Как только рассвело, мы сразу же поехали в то место, про которое вчера Бэргэн говорил. Хотя и не надеялись что найдем, думали, что тушки уже кто-то съел, но нашли, всех троих нашли, – с гордостью рассказывал Толлуман, как будто это он сам убил трех волков.

Тимофей поежился от неприятно пробежавших по спине мурашек и пошёл дальше, искоса поглядывая на околевшие туши.

Обработав раны жеребцу, он ещё какое-то время побыл около него, разговаривая и расчесывая пальцами гриву, глядя по холке. Жеребец тыкался в Тимофея носом, перебирал губами у его щек, словно облизывая или целуя. Уходить от этого милого и ласкового существа не хотелось. Тимофей уже давно не испытывал такого нежного и волнующего душу ощущения при общении с животным. В такие моменты Тимофею казалось, что от животного к нему перетекают каким-то необъяснимым образом сила и стремление к жизни.

Какие же все-таки удивительные животные, эти северные лошади. Еще во время учебы на факультете ветеринарной медицины Тимофей увлекся историей и фактами выведения северных лошадей. Удивился тому факту, что корни якутской аборигенной лошади уходят вглубь веков и она по праву относится к древнейшим породам. Это единственная в мире порода, которая произошла от диких белых тундровых лошадей и не вымерла, как мамонты, а сохранилась до наших дней. Поразительно: мамонты и другие животные вымерли а лошади выжили! Они прекрасно адаптировались в якутских климатических условиях, где зимой морозы достигают 50-60 градусов, а летом жара превышает 40 градусов. И еще примечательным был тот факт, что якутским лошадям не страшен не только лютый мороз, но и назойливые оводы, комары и мошкара, которых летом в тайге тьма тьмушая. Может, из-за этих удивительных и, казалось бы, нереальных фактов Тимофей очень любил лошадей, много о них читал и знал.

Толлуман окликнул Тимофея, вырвав его из размышлений и вернув к реальности. Он звал парня на завтрак. Все жители стойбища, уже подкрепившись, занялись обыденными делами.

Завтракали строганиной из тайменя приправляя его черемшой и запивая все это чаем из трав и клюквы. Толлуман спросил, не желает ли Тимофей съездить с ним к реке. Нужно было проверить верши[15], которые Толлуман вчера поставил. Тимофей не раздумывая согласился, так как не знал, чем занять себя, чтобы скоротать время до вечерних процедур с перевязками.

[14] Сылгы – аборигенная порода лошади, распространенная в Якутии.

[15] Верши – сплетенные определенным образом корзины для ловли рыбы.

Глава 4

Парни уселись на нарты и под звонкое гыканье Толлумана, подгоняя собачью упряжку, понеслись прочь от стойбища. Белоснежная равнина казалась бескрайней. Но в скором времени впереди показались горы, густо поросшие лесом. У самого их подножия извилисто протекала шумная, быстрая река, с краев замерзшая на отмели. Свое начало река брала где-то высоко в горах, оттого и течение было сильным, оттого и не замерзала она в лютые зимние морозы. Лед лежал только по краям речки, замерзала она только на отмели да у валунов, лежавших у берега.

От леса по снежному насту к реке шло множество звериных троп. Разглядеть по следам, кто приходит на водопой, не получалось: хоть и неширокой была река, но не настолько, чтобы четко различить след. Лед у кромки отблескивал на ярко светящем солнце, ослепляя бликами. Хоть и снежно вокруг, и стоял небольшой морозец, но по дыханию природы было слышно приближение весны. Солнце светило ярче, казалось, даже грело, да и птицы щебетать стали по-другому, веселее, что ли, звонче и заливистей.

Спешившись, Толлуман привязал поводья упряжки к дереву. Собаки безошибочно поняли, что выдался отдых, и улеглись на снег, наблюдая за тем, что происходит вокруг.

Парни взяли с нарт мешок и длинный шест с металлическим крючком на конце и направились к реке. Позади что-то противно заскрежетало по нервам, звук был такой, как будто наждаком по стеклу провели. В тот же миг, неведомо откуда взявшись, над головами парней пронеслись два огромных серых крыла. Большущий кречет, тяжело махая крыльями и издавая протяжный писк, летел над рекой в сторону леса и там же исчез, слившись с серыми красками деревьев. Но не надолго. Снова он появился в белом просвете, будто материализовался из небытия. Повернул обратно и начал уже молча пикировать в сторону оторопевших парней. С шумом пронесся рядом, ударив в их лица воздушной волной, и словно испарился в ярком солнечном свете.

Тимофей отшатнулся, с трудом устояв на ногах, а вот Толлуман не удержался и завалился спиной на снег, испуганно выпучившись. Его привычно узенькие глаза-щелочки стали круглыми, как блюдца.

– Фу ты, бестия! И откуда же ты взялся? – испугавшись, выругался Тимофей. Оглянулся назад и, не увидев птицу, добавил: – И куда подевался?

– Не говори так! – поднимаясь на ноги, Толлуман сурово погрозил Тимофею пальцем. – Здесь нельзя говорить вслух такие слова. Духи природы на тебя рассердятся.

– Виноват, – улыбаясь, ответил Тимофей. – Больше не буду.

Они подошли к самой воде, казалось, кипящей в тех местах, где на поверхность вырывались валуны разных форм и размеров. Толлуман скрестил на груди руки, закатил глаза так, что из щелочек была видна только пугающая белизна глазного яблока. Гортанным голосом заунывно затянул что-то на языке, похожем на язык древних кочевых племен курыканов. В детстве Тимофею бабушка иногда рассказывала мистические сказания о курыканах, их обычаях и единстве с духами природы.

Тимофей, прикрыв глаза, попытался слиться с окружающим миром, почувствовать себя единым целым с тем, что его окружало. Мысленно попросил дозволения войти во владения природы и воспользоваться ее имуществом, а именно взять из реки рыбы для пропитания, а не обогащения ради.

Когда Тимофей вернулся к реальности и открыл глаза, Толлуман уже тащил багром веревку, к которой была привязана верша. Быстрое течение так и норовило утащить вершу обратно в свои владения. Тимофей поспешил на помощь: ухватился обеими руками за веревку и стал тащить. Как только верша показала на поверхности воды, стало понятно, что заполнена

она рыбой до краев. Кряхтя и упираясь, парни тащили добычу на берег. Сняв рукавицы, Толлуман отвязал крышку верши и подставил мешок.

– Не первый раз я здесь верши забрасываю, никогда столько рыбы не было, – Толлуман был очень удивлен такому улову. – Ты посмотри, какой большой таймень!

Тимофей быстрыми движениями выхватывал рыбу из корзины и бросал ее в мешок. Таймень был действительно внушительных размеров, удочкой такого бы не вытащили: все снасти порвал бы. Рыба извивалась, била хвостом изо всех сил, стараясь выскользнуть из рук. Толлуман выбрал три рыбины поменьше, разрезал их пополам и бросил собакам. Те оживились и стали поглощать угощение.

Вторая верша также была заполнена доверху. Со второй корзиной управились тоже быстро. Завязывая мешок, Тимофей заметил, что погода как-то слишком быстро стала меняться. На лазурном еще минуту назад небе образовались темные облака, они угрожающе надвигались из-за гор. Подул промозглый ветер, поднимая в воздух снежную пыль.

– Сколько еще корзин в реке? – спросил Тимофей и, указав в сторону гор, добавил: – Погода стала быстро портиться, успеть бы.

– Успеем. Последняя верша осталась, – уверенно сказал Толлуман и поспешил к реке.

С последней вершей пришлось немного повозиться. Она никак не хотела огибать валун, возникший на ее пути, как будто река не хотела отдавать то, что по праву ей принадлежало. Толлуман как мог упирался багром в заполненную доверху корзину, пытаясь ее вытолкнуть из-за камня.

Тем временем Тимофей, как бурлаки на Волге, тащил вершу, перекинув веревку через плечо, согнувшись к снежному покрову чуть ли не горизонтально. Боковым зрением он заметил, что собаки, ранее спокойно лежавшие на снегу, мгновенно вскочили и оцетинились, жалобно поскуливая. Рывком выпрямившись, Тимофей оглянулся и обмер. Прыгая с валуна на валун, реку преодолевал медведь. Грязная, свалывшаяся шерсть висела на худых боках лохмотьями. Зверь был небольших размеров, потому как молодой, двухлетка по виду. Одно ухо почти наполовину было откушено каким-то зверем, а может, отстрелено. Недавно проснувшийся и покинувший берлогу зверь был голоден, а значит, опасен.

Тимофей метнулся к нартам, он видел там лежавший охотничий топорик. Толлуман как статуя стоял и смотрел на медведя, он знал, что бежать бесполезно, поздно заметил. Оглянулся на Тимофея, чтобы посмотреть, как тот пыхтит, упирается. Посмеялся с него, обернулся и увидел медведя. Мысленно прикинул, за сколько времени зверь преодолеет расстояние до берега и сколько времени потребуется ему, чтобы добежать до нарт, отвязать поводья и развернуть упряжку. В итоге понял, что как бы ни старался, не успеет. Медведь хоть и ослаб за время спячки, но зверь быстрый: если погонится, то добычу не упустит.

Когда медведю оставался один прыжок до берега, Толлуман направил в его сторону багор. Зверь с сердитым ревом резко махнул лапой, пытаясь ударить по нему. Задние лапы скользнули по валуну, и медведь чуть не свалился в бурлящую воду, так и не дотянувшись и не ударив по багру. Медведь, перевалившись несколько раз с лапы на лапу, замер.

– Сейчас прыгнет! – заорал Тимофей, подскочив к Толлуману, ухватился обеими руками за топориче и занес орудие на уровне плеча. Парень приготовился к отражению звериного броска, заранее осознавая свое поражение. Бить таким топориком медведя – все равно что вилкой в мамонта тыкать.

Толлуман, стоявший бок о бок с Тимофеем, напрягся, держа в зубах охотничий нож, а впереди себя багор, которым надеялся столкнуть зверя в воду. Медведь, спружинив задними лапами, оттолкнулся от валуна и оторвался от твердой поверхности. В эту же долю секунды произошло нечто. В воздухе словно образовалась прореха, из которой камнем вывалился тот самый кречет. Он с пронзительным визгом всем своим телом рухнул на морду зверя, плотно захлестнув крыльями голову медведя, словно крепко обняв.

Медведь приглушенно рыкнул, будто подавился своим ревом, пошатнулся и рухнул в стремительный поток, а вместе с ним и крик ушел под воду.

Ошалелые от произошедшего парни смотрели на бурлящую воду и не верили своим глазам и своему счастью. В чувства их привел сшибающий с ног порыв ветра. С трудом устояв на ногах, схватившись друг за друга, прилагая немалые усилия, они добрались до нарт. Собаки стояли оцетинившись и тревожно скуля.

Толлуман не без труда отвязал поводья от дерева. Запрыгнув на нарты, парни стали удаляться от реки, подгоняемые сильным ветром. Прижав уши и вытянув морды вперед, лайки неслись с остервенелой силой. Как только река исчезла из зоны видимости, ветер сразу же стих, а с ветром ушла и тревога. На душе и в мыслях все стало спокойно, словно ничего и не случилось. Собаки также поубавили скорость, уши их поднялись приняв обычное положение, шерсть гладко улеглась.

– Э-эх, – горестно протянул Толлуман. – Рыбу жалко, целая верша рыбы осталась в реке.

– Не жалея. Ведь видели, что река отдавать не хочет, лишней была корзина эта. Нет же, пожадничали! – авторитетно сказал Тимофей, будто ему сходу десяток лет прибавилось. – Пусть это нашим жертвоприношением будет за спасение. Будет с нас и того, что есть, полон мешок почти. А верши я тебе сплету, за лозой вот только к лесу съездим и сплету.

Последнее слово Тимофей как-то странно протянул, почти пропел. Толлуман оглянулся и стал тревожно вглядываться в задумчивое лицо парня.

– Не ищи объяснений, – посоветовал Толлуман. То, что сегодня произошло, это самое безобидное, что может случиться в наших краях.

Остаток пути до стойбища ехали молча, каждый думал о своем.

По приезду Тимофей сразу же пошел справиться о самочувствии Бэргэна. Мужчина сидел на топчане и что-то мастерил из оленьей шкуры. Как потом оказалось, он пытался починить свои унты, изодранные волками в тот злополучный вечер.

Разбинтовав и осмотрев раны, Тимофей посоветовал Бэргэну принять горизонтальное положение и пару дней не вставать. На обеих ногах, от колена до щиколотки, был явный отек. Обработав раны и наложив тугую повязку, Тимофей насильно уложил на топчан несговорчивого пациента. Свернув оленью парку, сунул ее под ноги, чтобы поднять их повыше.

– Так и лежи, – строго скомандовал Тимофей, пытаясь придать выражению своего лица как можно больше авторитетности, – так отек быстрее сойдет. И раны быстрее затянутся, – схитрил он.

Тимофей шел по стойбищу, рассматривая все, что было вокруг. Десяток чумов выстроились в виде полумесяца, в центре образовавшейся площадки бегали детишки, краснощекие, сопливые. Те, что постарше, собравшись в круг, пытались натянуть тетиву на самодельный лук, спорили, выхватывали друг у друга согнутый прут. Каждый надеялся на то, что вот у него-то точно получится. Малышня, шмыгая красными носиками, гонялась за щенком, то отбирая, то бросая обратно кость с необглоданным мясом.

Визг и смех беспечной детворы поднял настроение. Улыбаясь, Тимофей шел в загон обработать раны жеребцу. Картина, представшая перед его взором, теплом и умилением наполнила душу. Пегий жеребец с забинтованными голяшками стоял у изгороди с опущенной мордой. По другую сторону находилась белая кобылица, ноздрями она тыкалась в храп, лоб жеребца, губами щипала ему ухо. Тот тихонечко фыркал.

– О, Варос, тебя подружка пришла проведать, – умиляясь, окликнул жеребца Тимофей. – Честно сказать, дружище, я тебе крепко завидую.

Жеребец стоял не двигаясь, не обращая внимания и не реагируя на голос человека. Кобылица же, наоборот, оторвалась от своего занятия и, приосанившись, уставилась на человека, наострив уши.

– Да ты, смотрю, совсем голову потерял, – засмеялся Тимофей. – Немудрено, вон какая красавица обхаживает. Не хочется вам мешать, но перевязку никто не отменял.

Тимофей пролез между жердин в загон. Кобылица громко фыркнула, заржала, изогнув шею, взбрыкнула и ускакала прочь.

– Видишь, Варос, какие обидчивые эти дамочки, а красивые дамочки еще и капризные, – Тимофей гладил жеребца по шее, расчесывал пальцами гриву, ласково похлопывал по холке. – Ну что, будем лечиться?

– Не подружка она ему вовсе, – услышал Тимофей чей-то голос у себя за спиной. Не прекращая бинтовать, он оглянулся, чтобы увидеть шпиона, подслушивающего его разговор с Варосом. Позади стояла якутяночка.

– Почём знаешь, что не подруга? – поинтересовался Тимофей, завязывая покрепче узелок бинта. Убрал конское копыто со своего колена, поднялся во весь рост и погладил морду жеребца, пытавшегося зажевать его капор. – Кто же тогда, если не подруга?

– Она ему маам, – ответила девушка, внимательно рассматривая чужака. – Она часто к нему подходит, жалеет, наверное.

– Вон оно что. Мама – это тоже хорошо, – заинтересованно протянул Тимофей. Он оглянулся, выискивая взглядом белую кобылицу. Почему-то захотелось еще раз на нее взглянуть.

– Я тоже ветеринаром быть мечтаю, – сказала якутяночка. – Буду животных нашего стойбища лечить.

– Нарыйана! – окликнул девушку пожилой якут. – Не приставай к убайдару с глупыми разговорами. Иди в чум помоги женщинам.

Девушка обидчиво надула губки и убежала.

Бэргэн лежал в том же положении, в которое его уложил Тимофей, уходя из чума. Он неспешно жевал, держа в руке большой кусок зажаренного мяса.

– Садись ужинать, – предложил Бэргэн.

Из большой миски, доверху заполненной жареным и вареным мясом, Тимофей взял первый попавшийся под руку кусок и, присев на топчан, принялся трапезничать. Насытившись, он попросил Бэргэна:

– Расскажи, что случилось в тот вечер.

– Ничего особенного, для охотника – обычное дело в наших краях.

– Толлуман мне рассказывал что ты смелый и удачливый охотник, меткий стрелок, что духи тебя всегда оберегали и помогали. Что же случилось в тот вечер они не пришли тебе на помощь?

– Ошибку я совершил, тем и разгневал лесных духов, – угрюмо ответил Бэргэн. – Все люди могут ошибаться и совершать плохие поступки. Вот поправлюсь и преподнесу духам леса свое жертвоприношение. Очень надеюсь на то, что они простят меня. Было бы очень несправедливо долго гневаться и наказывать меня за оплошность, которую я совершил за время той короткой жизни, которую прожил.

– Да, – задумчиво протянул Тимофей. – Если уж духи разгневаются, то не посмотрят на то, сколько ты прожил на свете и смел ты или трусом являешься. Все едино.

– Ты понимаешь, неожиданно он на тропе появился. – Рывком сел на топчане взволнованный Бэргэн. – Как из-под земли вырос. На задние лапы встал, передние вверх поднял, да как заревел, что все птицы и звери всполошились. И враз тишина наступила, да такая мертвая тишина, как будто кроме нас в лесу никого и нет вовсе. Варос как шархнется, да как вздыбится, я и не удержался, свалился с него на тропу. А медведь с поднятыми лапами да со страшным ревом на меня идет. Я и выстрелил в сердце зверю, открытым он был для такого выстрела, да еще в нескольких шагах. Зверь рухнул, и в тот же миг из зарослей два медвежонка выбежали, маленькие совсем. Остановились около мертвой матери и давай реветь, да так жалобно и по-детски тоненько. Оказалось, медведицу застрелил.

Якут стих. Какое то время сидели молча. Тимофей смотрел на Бэргэна, а тот – куда то в невидимую даль.

– Растерялся я от неожиданности, не смог разглядеть, что медведица передо мной, – будто очнувшись от забытья добавил он. – Я потом Вароса окликнул и повернул в обратный путь, не стал ехать на заимку, чувствовал, что духи леса мне этого не простят. Так и есть, уже на краю леса волки возникли из ниоткуда. Ты понимаешь? Зарослей там не было, я бы их увидел. Я чувствовал на себе чей-то злой взгляд и часто оглядывался по сторонам, волков не было. И вдруг они словно из под земли появились, глазища красные, страшные, пасти неестественно большие, с огромными клыками. И не скулили, когда я выстрелом попадал, а охали. Понимаешь? Охали, как человек, и падали.

Бэргэна замолчал и лег, от его волнения трясло. Немного успокоившись, он продолжил:

– После каждого выстрела я убивал одного волка, а в стае, которая за мной гналась, убивало два. Понимаешь? Один мною убитый падал на снег, а другой просто исчезал, как туман при солнечных лучах. Мне явно помогал кто-то невидимый, и я даже догадываюсь кто. Но ты не спрашивай больше ничего. Более знать тебе не следует.

– Медвежат, понятное дело, жалко, – подытожил услышанное Тимофей. – Не выживут мальцы без мамки-то. Но ты себя шибко не кори. Тут уж или ты ее, или она тебя. По-другому точно никак, закон тайги.

Глава 5

Тимофей долго не мог уснуть. Прошедший день выдался богатым на события, оттого и мысли в голове роились как дикие пчелы вокруг улья. Вопросов было больше, чем ответов. Сколько в размышлениях пролежал, ворочаясь с боку на бок, поди узнай. А когда провалился в тревожный сон, привиделось такое, что наутро не мог понять, а сон ли был это. Не исключено, что явное марево, на сибирских землях это обыденное дело.

Привиделась, что старуха шаманка, с которой он возле чума встретился в первый вечер, говорит ему:

– Слушай внимательно и ничему не удивляйся. Как солнце в зенит войдёт, отправляйся к той реке, где медведя встретили. Вниз по течению путь держи, там будет небольшое поселение. Спроси рыбаков которые вчера утопленника выловили, заberi у них мой амулет да себе его оставь. Не успела я свой дар передать, всё преемника не могла нужного подобрать. Тебя когда встретила, сразу поняла, что парень ты душой и помыслами чистый, ты-то мне и подходишь. С амулетом к тебе часть моего дара перейдёт. Хотела всю свою силу шаманскую тебе доверить, да вот не успела. Силы растратила, спасая сначала Бэргэна от лесных духов в обличии волчьем. Не успела сил начертать, дух свой шаманский восстановить, ты с Толлуманом в беду попал. Всё бы обошлось, я ведь и в водных тварей перевоплощаться могла, не махани медведь тогда когтями при падении в воду. Так и снял с моей спины кожу с мясом своими когтищами и не выпустил из лап цепких. Силы мои враз с кровью и ушли в воду студёную. Слишком я стара, чтобы за жизнь бороться, устала от жизни, оттого и не приложила никаких усилий на спасение своё. Сон никому не рассказывай, за амулетом сам отправляйся. Амулет на теле держи да помалкивай. Рыбакам скажешь, что выловили они удаганку[1], пусть похоронят по обычаю, как полагается хоронить шаманов. Скажи, что оберегать их селение отныне буду, в делах рыбацких да охотничьих помогать стану.

После этих слов испарилась она словно туман, словно и не было вовсе.

В чуме несмело забрезжил предрассветный луч света, все ещё спали. Тимофей лежал с открытыми глазами и не понимал, как воспринимать услышанное: принять как дурной сон и забыть или же отнестись всерьёз и выполнить наказ ночной гостьи, явившейся в его сон.

Первыми в чуме просыпались женщины. Затапливали буржуйку, стоявшую посередине пространства, и принимались готовить завтрак для всего большого семейства, насчитывающего порой больше десятка человек.

Пока готовился завтрак, а Бэргэн ещё не вставал, Тимофей решил проведать жеребца. В стойбище было тихо, основные источники шума ещё крепко спали, посапывая сопливыми носиками. Завидев приближение человека, коровы в загоне стали протяжно мычать, перекликаясь на разные голоса и мотивы.

– Извините, девочки, я не к вам, – ответил на приветственное мычание весёлый лекарь. – Я вот к этому молодому пегасу. – Как ваше самочувствие, пациент? – придав голосу комичных ноток, Тимофей пролез в загон к Варосу.

Жеребец, довольно пофыркивая, стал тыкаться мордой в парку Тимофея.

– Вижу, что самочувствие хорошее, – Тимофей погладил покладистое животное, потрепал его за гриву, обнял за шею и прошептал в ухо: – Ты очень смелый жеребец, спас хозяина от злых духов. Поправляйся быстрее, ты нужен хозяину.

Варос закивал головой, низко её склоняя. Так делают лошади в цирке за кусочек сахара или какую другую вкусняшку.

– Да мой же ты умница! – засмеялся Тимофей, хлопая жеребца по крепкой шее. – Понимаешь, что я тебе говорю, в таком случае давай сюда ногу, будем делать перевязку.

Рядом раздался незнакомый птичий крик, вернее скрежет. Глянув в сторону звука, Тимофей увидел кречета, только что взлетевшего с перекладины загона.

– Почему я его не заметил раньше? – спросил Тимофей сам у себя, а вслух добавил: – Господи, да чему я удивляюсь? – и крикнул вдогонку птице: – Удаганка, это ты?

Птица удалялась. Тимофей, глядя ей вслед, подумал, что, наверное, это ийэ-кыл[2]. В этот момент птица зависла на месте, затем вернулась, пролетела над загонем, где стоял Тимофей, и, взмыв в небо, исчезла.

Вернувшись в чум, он сразу обратил внимание, что стало непривычно тихо, несмотря на наличие всех детишек. Женщины переговаривались шёпотом, из мужчин был только Бэргэн.

– Что-то случилось? – спросил у него Тимофей.

– Эбэ[3] исчезла, – угрюмо сказал Бэргэн. – Ушла из стойбища вскоре после меня, когда я в лес отправился. С тех пор никто её не видел. Так и не явилась.

«Я видел!» – чуть было не выкрикнул Тимофей, но вовремя прикусил язык. Он уже не был уверен в том, что видел. Столько всего произошло, что он не совсем понимал где явь, а где марево.

Обрабатывая раны Бэргэна, Тимофей, к всеобщей радости, заметил значительное улучшение. Отёк сошёл, ранки подсохли, образовав естественные корочки без нагноений.

– Бэргэн, мне на сегодня нужна упряжка, без разницы какая, – поставил в известность Тимофей. – Съездить по делам нужно.

– Можешь взять любые свободные нарты, – безразлично ответил Бэргэн. – Толлуман подскажет, каких животных ставить в упряжку.

Тимофею так и подмывало рассказать Бэргэну свой сон, а может, видение, он так и не определился, что это было. Хотел рассказать о случившемся на реке, о том, что видел старуху, как себя повела птица сегодня утром. Тимофею хотелось выговориться и получить хоть какой-нибудь вразумительный ответ. Но что-то не давало, не позволяло озвучить то, что распирало его изнутри.

Чтобы отвлечься от мыслей и скоротать время до солнца в зените, Тимофей пошёл на подмогу оленеводам. Те метили новорождённых оленят, привязывая на шею верёвочку, такого же цвета верёвку вязали оленихе на рог. Совсем маленькие детёныши агти[4] часто теряли свою маму, не поспевая за ней. И чтобы легко и быстро найти и воссоединить мать и детёнышей, их метят одинаковым цветом.

Тимофею нравилось возиться с животными, это занятие было не в тягость, а в радость, оттого и время пролетело незаметно. Настал момент, когда нужно было отправляться на поиски поселения, которое обозначила шаманка.

Ставя в упряжку четверых оленей, Толлуман всё пытался выпросить у товарища, куда тот собрался ехать без него. Но Тимофей был загадочно молчалив и скрытен. Чтобы успокоить любопытство Толлумана, Тимофей пообещал ему, рассказать всё по приезду.

Начало поездки было приятным, потому как погода стояла тёплая и солнечная, предвещающая скорое приближение весны. Снег хоть и лежал везде, куда хватало взгляда, но заметно осел и стал плотным. Не доезжая до реки, Тимофей направил оленей в нужную сторону. Он хорошо помнил, в каком направлении река понесла медвежью тушу.

Приблизительно через полчаса езды впереди замаячили крыши деревянных домов. Въехав в поселение, Тимофей поинтересовался у первого встречного мужика, не вылавливал ли кто из жителей утонувшего в реке человека.

– А как же! Аккурат вчерась к вечеру двое наших мужиков и притащили с рыбалки утопленника, – ответил мужик. Ощувив свою полезность и осведомлённость, он выровнялся в осанке и выпятил грудь колесом, а затем добавил: – Старуха то была.

– А как мне найти мужиков этих? – заволновавшись, спросил дрогнувшим голосом Тимофей.

– Одного ты уже, почитай, нашёл, – ответил мужик и указал рукой на стоявший рядом дом. – Вот тут Степан живёт, а до Митьки в край улицы надо проехать.

Высокий, крепко сложенный, не по возрасту седовласый Степан одним рывком извлёк из выдолбленной в мёрзлой земле ямы оленью шкуру, обвязанную верёвкой.

– В этой яме я завсегда храню пропитание для собак, у меня их более десятка: какие для охоты, иные – в упряжку, – объяснял Степан, развязывая верёвки, а затем распахнул край шкуры.

– Боже правый! – отшатнулся Тимофей и отвёл взгляд в сторону.

Взору открылся окоченевший труп старухи, покрытый коркой льда, с обнажённой синей спиной, разодранной медвежьими когтями: глубокие борозды шли от затылка до поясницы.

– Ну да, картина не для слабонервных, – хрипловато сказал Степан и закашлялся, затем как-то виновато добавил: – Сохранил как есть, знал, что придёшь.

– Откуда знал? – удивлённо спросил Тимофей, выпучив на мужика глаза.

– Она сказала, – Степан кивнул головой в сторону обледеневшего трупа. – Сказала, что за амулетом придёшь.

Степан смотрел на испуганно выпученные синие глаза гостя и понимал неправдоподобность им сказанного. Решил объяснить для понимания:

– Сон мне был, а может, видение, точно сказать затрудняюсь, – Степан закричал, прочищая заложившее горло. – Явилась старуха в обличии шаманском и говорит, мол, шаманка я, похорони меня по обычаю. Амулет мой, говорит, отдашь тому, у кого глаза, как куех халлаак[5]. По всему видать, про тебя старуха говорила. Так что забирай амулет, тебе он теперь принадлежать должен.

Тимофей стоял в нерешительности, он боялся посмотреть на труп-ледышку. Становилось не по себе от одной мысли, что нужно прикоснуться к синему окоченевшему трупу, чтобы снять амулет.

Степан видел нерешительность парня и решил немного ему помочь, перевернув старуху лицом кверху. Прикасаться к амулету и снимать его со старухи он не осмелился, пусть этот страдалец сам выполняет то, что ему завещано. Но судя по выражению лица бедолаги, положение его не облегчилось, а наоборот, усугубилось, потому как на обледеневшем синем лице покойницы застыла гримаса нечеловеческой боли и страдания. Рот застыл в немом крике, в образовавшейся впадине рта была замёрзшая вода, глаза закатились кверху, оставив в глазницах только белки.

У Тимофея волосы зашевелились под капором, по спине пробежал холодок. Даже мелькнула мысль: плюнуть на все наказы и видения, уехать побыстрее и как можно дальше от всего этого кошмара. Тимофей повернулся спиной к ужасному образу мертвеца с намерением уйти. Но какая-то невидимая сила словно приподняла его за плечи и развернула обратно.

– Ну давай уже смелее! – как гром среди ясного неба прозвучал голос Степана, он не заметил, что парня оторвала от земли и крутанула какая-то неведомая сила, и подумал, что тот сам передумал и повернул обратно.

С ужасом Тимофей наклонился к старухе, стараясь не смотреть на лицо, с хрустом ломающегося льда раздвинул ворот одежды и увидел амулет в виде птицы кречета. Не отрывая от него взгляда, достал нож, висевший на поясе, и разрезал шнурок из оленьей жилы. Зажав в ладони амулет, Тимофей почувствовал, что руке стало горячо. Он рывком сорвал шнурок с мёртвой шеи, снова раздался хруст льда. Тимофею показалось, что шаманка будто облегчённо вздохнула. Может, действительно было так, а может, со страху послышалось. Тимофей отскочил от мёртвого тела, крепко сжимая амулет.

– Ты посмотри на эту красоту, – опять голос Степана прозвучал неожиданно, отрезвляюще, словно выдернул из кошмарного сна.

Тимофей непонимающими глазами уставился на Степана. Тот указал на небо. Там плескалось розовое сияние с вкраплением синего и зелёного. Такого северного сияния Тимофей ещё ни разу не видел и связал аномалию с шаманкой, с амулетом, со всем происходящим в эти минуты. Вспомнил те слова, которые шаманка велела передать рыбакам:

– После того как вы её захороните по полагающему обычаю, она станет оберегать ваше поселение и помогать рыбакам и охотникам.

– Известие хорошее, – довольно крикнул Степан и, раскурив трубку, протянул её Тимофею.

– Спасибо, не хочу, – вежливо отказался Тимофей. – Не курю я, да и не люблю это.

– Ты поди и водки ни разу не пробовал? – лукаво глянул на парня Степан. – Зайдёшь, может, махнём за знакомство по кружечке?

– Водку пробовал, когда студентом был, – ответил Тимофей, просияв в лице от воспоминаний о тех годах. – Только не понравилось мне то состояние, когда она по организму разливается и разум туманит. А вот от горячего чая я бы не отказался.

– Погодь, старуху на место определяю и пойдём в избу чаёвничать.

Степан укутал тело шаманки обратно в шкуру, связал верёвки и опустил в яму, которую накрыл досками.

В просторной комнате было тепло и светло. В печи потрескивали поленья, на краю стоял чугунок, источая приятный запах свежесваренной еды. Там же стоял и чайник, из изогнутого носика выходил посвистывая пар. Указав гостю на лавку у стола, Степан наложил в большую миску варёное мясо. С полога печи достал светлую тряпицу и извлек из неё лепёшку.

– Давай сперва мяска отведаем, а потом уж и чайком побалуемся с медком, – предложил Степан, усаживаясь за стол. – Надясь в лесу молодого лося подстрелил, мяса хватит надолго, в лес до осени можно не соваться. Я больше рыбный промысел уважаю. Рыбу, к примеру, из реки выловил, она вскорости сама и издохла. А в лесу для пропитания зверя убить надобно, значит, жизни лишить, руки кровью испоганить, тягость убиения на душу свою взять. Иной раз и кусок мяса в глотку не лезет, оттого и на охоту редко выхожу, только в случае большой надобности. Бывает, в лес за лозой пойдёшь да зверька живого в капкане встретишь али птицу, в силке трепещущую, завсегда на свободу выпущу. Оттого духи леса на меня и не гnevаются шибко, ещё ни разу не обидели, зверем не напугали. Выпущу кого на волю, так обязательно отблагодарят поляной ягод али грибов. В нынешнем годе оленёнка из сети выпутал, сухариком пригостил да по задку шлёпнул и отпустил. Как в обратную пошёл, дык на колоду мёду и набрёл, насили дотащил.

Тарелка из-под мяса опустела. Степан поставил на стол деревянную кадуюшку с мёдом и две алюминиевых кружки. Сыпнув в каждую по горсти пахучих трав, залил кипятком. Комната наполнилась запахом летнего луга в жаркое лето. Тимофей, прикрыв глаза, втянул полной грудью аромат трав. Ему даже показалось, что лёгкое дуновение тёплого летнего ветерка коснулось лица.

– А ты один живёшь? – поинтересовался Тимофей.

– Один, – пробасил Степан, насупившись. – Почитай, пятый годок, как жена померла, не разродившись. Поначалу думал, жить не стану, удавлюсь где-нибудь в лесу, перекину верёвку через ветку и уйду к Прасковьюшке. Горевал шибко, уже и верёвку выбрал, покрепче которая, и день определил. Да накануне дня определённого привиделась она мне. Да так сердито пальцем погрозила и молвит, мол, не срок ещё тебе, погодь маленько, не выполнил ты ещё то, что на судьбу твою положено. Сказала это и испарилась, как мало облачко в небе ясном. После её слов призадумался я о предназначении своём, да так мало-помалу в душе печаль и улеглась, утихла. Вот теперь, как она наказывала, живу себе помаленьку да всё жду предназначения своего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.